

К ЭТИМОЛОГИИ ПРАСЛАВ. *ĀIRĪ

Праслав. *Āirĭ (*Āirĭbĭ) считается словом с невыясненной этимологией (см. ЭССЯ 4, 116—117, Słownik prasłowiański II, 203—204). Предлагаемые версии о связи с греч. σκίρρος 'отвердение, затвердевшая опухоль' или с корнем *(s)ker- 'резать' подвергаются сомнению.

Думается, что поиски этимона возможны при более внимательном рассмотрении семантики слова. Этимологические статьи под реконструкцией *Āirĭ объединяют два значения 'нарыв, фурункул' и 'гриб-трутовик'. Это объединение представляется вполне правомерным, поскольку мы наблюдаем то же единство в статьях *gqba, *trqđb и др.

Наименования гриба-трутовика (*Āirĭ, *Āērĭ) встречаются на территории украинского Полесья, в Белоруссии, в сопредельных польских говорах, на территории Чехословакии. Следует обратить внимание на то, что это наименование не гриба-трутовика вообще, а конкретного вида, березового трутовика, Polyporus igniarius, используемого для разжигания огня. Длительное время до появления спичек для добывания огня использовали огниво, кремь и трут. Трутом служил березовый гриб-трутовик, вымоченный, высушенный и разбитый до мягкости. «Чага — березовая губка, твердый трут, растущий на живой березе, употребляется везде для присекания огня» (Камчатский словарь, 184). На территории украинского Полесья чага носит название *чир*, *ч'ір*, *цїр* (М.В. Никончук. Матеріали до лексичного атласу укр. мови, 63). Блр. *цэрь* 'трут, приготовленный для высекания огня из губки, растущей на березе' (Носович, 693), *цэра* 'трут для высекания огня' (Байкоў, 341), диал. *цэр*, *цэра* тоже: "На бярэзе расце *цэра*", "... калі *цэр* у попеле памачыць, высушыць і пабіць, ён жоўты такі і гарыць (Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі, 5, 377). В польских говорах, заимствованное из украинского и белорусского языков, *czyr*, *czér*, *czér*, *cer* 'буковый гриб, используемый для добывания огня' (Karłowicz. Sł. g. pol.), чеш. *čirůvka* 'гриб, растущий на старых пнях, Tricholoma', словц. *čtrovka* то же (Machek², 103)¹.

Другим названием для березового трутовика (кроме слов *губа* и *трут*) служат слова *жагва* и *жагра*: блр. *жа́гва* 'гриб-трутовик, трут', польск. *żagiew*, *żagwica* то же, чеш. *žahév* то же: "Жагва ростэ на бэрэзынэ, вона высохае. Жагву кладут на кромушку і б'ют красілом, жагва загораецца" (Шаталава, 54). Возможно, указанные выше формы восходят к праслав. *žagu, -ъе 'гриб-трутовик, трут', образованному от глагола *žegti 'гореть' с продлением гласного, ср. с.-хорв. *žeġ* 'трут'.

Русск. диал. *жа́гара* 'грибной нарост на березе черного цвета' (Иванова. Подмоск., 130), *жагра́*: "Жаура́ бываит'... врѡд'и урыба́" (Дедулинский словарь, 162).

В псковских говорах лексема *горю́н* значит 'темный, крепкий нарост на березе, гриб-трутовик, чага; трут из нароста березы':

"Спичак ни на́да, то́лько *гарю́н* на́да, губицу кул де́рива растёт, тагда́ яну́ в́ысушыш, в́ывариш, тапаром скляпать, тагда́ мяккая и загарі́цца" (Псковский словарь 7, 141).

Чирьем называется фурункул (*furunculus*). С медицинской точки зрения "фурункул — это гнойно-некротический процесс в фолликуле и окружающей его ткани. Вначале маленькая пустула или папула красноватого цвета в устье фолликула. В дальнейшем ...увеличение инфильтрата виришь и вглубь, отек. Субъективно — чувство жжения, нарастающая боль... На высоте развития — плотный, возвышающийся над уровнем кожи узел темнокрасного цвета".

Синонимами слова *чирей* в русском языке служат *веред*, *боляток* (с более широким значением, чем *чирей*) и *огнік*, *огне́вик*. *Огнік* 'чирей, веред' (Миртов 210; Даль³ II, 1656—1657), *вогнік* 'боляток, болячка, чирей, веред' (Даль³ I, 534), *огне́вик* 'нарыв, веред' (Словарь Красноярского края, 236; Даль³ II, 1656). Ср. укр. *огнявка* 'чирей' (Лексика Полесья, 52). В белорусском и украинском языках *огником* называют экзему на лице и на руках (Гринченко III, 36; Расторгуев 96, Шаталава 91, Носович 63).

По принципу симпатической магии фурункул и экзему лечили присеканием огня. "*Огонь, огонь, возьми свой огнік!*" — приговаривают, отсекая его кремнем и огнем (Даль³ II, 1656—1657). "*Огнік прысекали краменем і шэпталі*" (Тураўскі слоўнік 3, 242).

В белорусском Полесье чирей называется еще *жы́жавка* при *жы́жа* 'огонь' (Лексика Полесья, 33).

Ср. еще медицинский термин *антра́кс* 'злой веред, карбункул, злая болячка' и 'дорогой камень карбункул' (Даль³ I, 48) от греч. *ανθραξ* 'уголь'. Фурункул и камень названы по цвету. Ср. лат. *carbunculus* тоже. Др.-русск.: "Отъ възгара́жштїихъса прыштїи, акы на оугальхъ лежатъж" (Изб. 1073 г. л. 173) (Срезневский II, 1615). Ср. еще словен. *črt* 'воспаление, нарыв, карбункул' (Pleteršnik I, 112).

Таким образом, во многих языках фурункул назван метафорически огоньком, угольком.

Есть основание предполагать, что и в названии березового гриба-трутовика, используемого для разведения огня, и в названии фурункула использован один и тот же признак в качестве мотивации 'огонь; уголь; гореть, жечь'.

При этимологизации слов *чир*, *чирей* нельзя игнорировать примеры, показывающие, что корень содержал *s-mobile*: см. польск. диал. *szczyrawka* 'прыщ', чеш. диал. *štrák*, *šterák*, словен. диал. *ščřrec*, *ščřrovec*.

Скорее всего мы имеем дело с продолжением и.-е. корня *(s)kǝi-, (s)kǝi- 'жар, жара' с расширителем *-r-* (См. Pokorny I, 519) в значении 'огонь, жар'. Прямых индоевропейских соответствий нет, но в других языках представлены слова с расширителями *-t-* и *-d-* с близкими значениями: др.-в.-нем. *hei* 'жара', лит. *kaĩsti* 'греть', *kaĩstrà* 'жара, зной'. Возможно, что славянские языки сохраняют архаическую семантику корня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Существование блр. *цэр, цэра* (по орфографии Носовича *цэрь*) 'березовый грибо-трутовик, используемый для разжигания огня' позволяет уточнить семантику др.-русск. *цѣрь*. Слово встречается один раз в тексте "Повести временных лет": Волга же раздам воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привязывати *цѣрь*, обертываюице въ платки малы, нитькою поверзываютъ къ коемуждо ихъ. Срезневский передает значение слова как 'сера', так как ясно, что речь идет о горючем веществе. О.Н. Трубачев, анализируя этот текст пишет: "В соответствующем эпизоде летописного рассказа реальнее всего представить себе, что именно тлеющий трут завертывался в платочки и нитками привязывается к птицам" (О.Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1968, М., 1971, 46). С этой мыслью трудно не согласиться, и привлечение белорусского материала делает ее более доказательной, хотя О.Н. Трубачев дает иную этимологическую интерпретацию.

М.А. Осипова

СЛАВ. **тъгха*, **тъгша* < СЛАВ. **тъгс-*

В этимологической литературе слова со значением 'кляча' и 'падаль', засвидетельствованными (лишь в части случаев — при одной и той же форме) у болг. *мърша, мръша*, макед. *мрша*, с.-хорв. *mrha, mrša*, словен. *mrha*, чеш. *mrcha*, польск. *marcha*, укр. *мерха, мерша* (и др., см. ниже), рассматриваются как омонимы. По традиции, идущей от Миклошича и Бернекера, считается, что формы с семантикой 'кляча' (куда относят прежде всего слова с корневым -х-) представляют собой заимствованное др.-в.-нем. *mar(i)ha*, ср.-в.-нем. *mârhe* то же, в то время как слова, обозначающие 'падаль' (куда входят, кроме некоторых слов с корневым -х-, слова с -š-), отражают производное слав. **merti*, **тъгq* (Bezlej II, 201; Skok II, 377 s.v. *mârha*; III, 467 s.v. *mrijeti*; Machek², 379: для форм со значением 'кляча' допускает и родство с хетт. *marša-* 'плохой'; Gebauer II, 407; Brückner, 322, 328 s.v. *mer-*).

Между тем введение в круг рассматриваемых имен русских слов (см. ниже), предполагающих исходную форму с сочетанием *-ьг-, заставляет отвергнуть по фонетическим причинам как этимологию слова из слав. **merti*, так и идею заимствования, хотя для некоторых случаев нельзя исключить немецкое влияние, — которым, однако, трудно объяснить весь ареал распространения слова. Учитывая близость значений 'кляча' и 'падаль' (ср. хотя бы рус. диал. *пáдла* 'труп издохшего животного; о плохой лошади' (Добровольский, 571) и *бýдла, бýдло* 'бодливая корова; больная, слабая лошадь, кляча; конский труп' (Псков. словарь 2, 231), причем в первом случае представлено направление 'падаль, дрянь' > 'кляча', а во втором — обратное: 'скотина' > 'падаль'), можно усомниться в правомерности их разделения на омонимичные, а сходная семантика слов с корневыми -х- и -š-¹ заставляет анализировать эти имена, не отрывая их друг от друга. Вышесказанное позволяет обратиться к поиску иных связей упомянутых славянских слов.